

РЕБЕНОК ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА: КТО ПОСРЕДНИК?

Современная социокультурная ситуация является огромным вызовом по отношению к привычным нам способам понимания детства как такового.

Фокусом анализа, той точкой, с которой я смотрю на нынешнее детство по сравнению с прошедшим, является логика постмодернизма. Постмодернизм высветил некоторые исходные базовые основания устройства социальной жизни и показал, что эти базовые основания тоже должны быть предметом критического анализа, сомнения и так далее. Поэтому пунктиром через все, о чем я пишу, проходит слово «сомнение». Надо поставить под сомнение то, что кажется нам очевидным. Точкой отсчета, по отношению к которой я буду рассматривать нынешнюю ситуацию, являются 60-е гг. XX в. Для меня как для психолога это время завершения заката любви психологов к возрастному развитию. После 60-х 70-х гг. перестали создаваться периодизации психического развития. Это время накануне студенческих волнений 1962 г. Исторически 60-е – это время, когда закончилось послевоенное восстановление и жизнь вошла в какие-то рамки.

Для того, чтобы мое сообщение было серьезным и фундаментальным, оно требует больших статистических добавлений. Здесь я столкнулась с очень большой проблемой. По американским семьям, детям я могла легко найти информацию, с третьего клика выходила на какую-то базу данных, с графиками, таблицами, видела, что происходит за последние 50 лет. По России я таких данных не обнаружила. Поэтому мой текст – это приглашение к эмпирическому исследованию. Потому что то, о чем я пишу, еще предстоит проверить и понять. И общая тенденция, которая тоже связана с постмодернизмом, – это глобализация, это исчезновение вертикальных иерархических систем управления, это переход от иерархии к сети и это обращение внимания на «края любой картинки». То есть мы говорим о возрасте, о норме возраста и говорим о том, что не соответствует возрасту. Уже в 70-е наше внимание притягивается к краям, к тому, что находится за границами привычного. Это другие культуры, не только европейская модель белого среднего класса.

Я хочу не зафиксировать какие-то изменения, а обнаружить эти изменения как противоречащие каким-то нашим установкам. И наконец, последнее. К сожалению, для меня просто по возрасту то, что сейчас происходит, – объективно. И надеяться на простую реставрацию, т. е. возврат к тому, что было 50 лет назад, на мой взгляд, не приходится.

И, наконец, самое последнее замечание. Постмодернизм высветил какие-то тенденции. Мы их сегодня видим. Мы говорим, в последние 50 лет произошли какие-то изменения. Мы не знаем, в связи с чем произошли изменения: мы по-другому смотрим, поэтому мы их видим? Или действительно раньше такого не было? Для меня самый яркий пример – мы обнаружили, что дети 1-го и 2-го классов не хотят взрослеть. Причем очень

обоснованно и легко объясняют, почему они не хотят взрослеть. И объясняют это тяготами взрослой жизни. И вот я не знаю, это они сегодня так объясняют в противовес тому, что было 50 лет назад, потому что 50 лет назад они хотели взрослеть? Или они и тогда не хотели, но мы просто про это не знали? Эта неопределенность остается, и эта такая перчинка к моей статье, потому что она остается, и я не знаю, как на нее отвечать.

Первое, о чем надо говорить, это о том, что детство – это конструкт, это искусственный конструкт. Мы вроде бы считаем, что это абсолютно естественное состояние. На самом деле современное детство возникло к концу XVII в., оно было связано с появлением грамотности, с появлением образования. И конструкт детства держится на противопоставлении детей и взрослых. Как только это противопоставление, это различие смазывается, говорить о детстве становится сложно ровно так, как сложно становится говорить о взрослости, потому что если нет различного признака, то ни того, ни другого не остается. Н. Постман говорит, что таким отличительным признаком была грамотность, пока не было обязательной грамотности. Например, 7-летний ребенок, т. е. уже могущий себя словесно выразить, полагался взрослым. Ф. Арьес говорит, что в XVII в. часть общей для взрослого и ребенка жизни, как например, пляски, игры, мистификации и прочее, осуждавшееся церковью, ушло в мир детства, и с этого момента можно говорить, что различие произошло. Взрослому непристойно было этим заниматься, ребенку было позволено. Вот, противопоставление появилось.

Н. Постман говорит, что детство исчезает, потому что ребенок и взрослый одинаково ахают, глядя на телеэкран, и никаких умственных способностей, связанных с обучением, для жизни в современном мире не нужно.

Поскольку я причисляю себя к психологам развития, для меня эта ситуация на самом деле ставит под сомнение все здание психологии развития. Потому что в психологии развития ребенок полагается не достигшим, ребенок полагается тем, кому предстоит. И если рассуждать в деятельностной парадигме, то ведущая деятельность – это деятельность воссоздания, воспроизведения. Опять же в психологии развития, тут я уже иностранными терминами буду говорить, есть понятие идентичности, понятие self, и это понятия: стабильный, автономный, самостоятельный, способный к выбору и опять же открытый, прозрачный для самого себя, очень важная характеристика. История разделения жизни детей и взрослых, в этом для Б.Д. Эльконина состоит кризис детства, вместо непосредственной совместной жизни, которая была в архаические времена, а этот разрыв компенсируется некоторой представленностью жизни взрослых. Вот когда ребенок сегодня играет, то через эту деятельность он моделирует те отношения, которые характерны для взрослости, и через эту игру допускается до взрослости. Специально культурно выработанные формы, которые называются – игра. И совместно эти формы могут быть посредником для вза-

имности. Б.Д. Эльконин говорит о первом появлении обучения и упражнения, это первые формы, и дальше, это важно, обучение и упражнение как прототип будущей деятельности, которая становится идеальной формой, смыслом того, что ребенок делает здесь и теперь. Идеальная форма – особый смысл деятельности, имеющий свое основание в будущем. Я понимаю, что Б.Д. Эльконин мне скажет, что это не очень сегодняшняя работа, в такие тонкости я не углубляюсь, здесь важно будущее. То, что я делаю сегодня, осмысливается или может осмысливаться будущим, будущее существует. И это одна из тех тем, которая может быть усомнена или поставлена под сомнение.

Просто информационно: сейчас очень модный тренд в социологии – это от социализации к социологии детства, где ребенок полагается полноценным автором, где ребенок может быть изучен не как тот, на которого смотрит взрослый как на недоразвитого, извините за такое слово, но ребенок сам по себе, практики его жизни, повседневность детства, и вот если мы будем говорить о конвенции о правах ребенка... очень очень тяжелый для нас взрослых документ, если его прочитать внимательно, и нам предстоит еще выработать по отношению к нему свое собственное отношение... его дух и буква основываются на том, что ребенок самостоятельно имеет право. И в этом смысле если его интерес становится в противоречие с интересами семьи, то преимущество отдается интересу ребенка. Это такая довольно идеологически сложная вещь для нас.

Традиционно до второй половины XX в. детство связывалось с будущностью, и грубо можно сказать, что если я вкладывалась в своего ребенка – я реально вкладывалась в будущее. Есть еще модное слово такое – «проекция». То есть если мне 30 лет и я родила ребенка, то я представляю, как моя дочь будет играть в женский футбол. Я совершенно не учитываю, что переношу ситуацию 15-летней давности, т. е. моего 15-летия, на 15 лет вперед, я совершенно некритически делаю этот перенос, и тем не менее я верю в то, что это будет именно так, и до заката XXV-го в. это происходило. Таким образом, будущее было нами взрослыми уже пройдено, и мы делали его для своих детей. В этом смысле вкладывание в ребенка было вкладывание в будущее. Сегодняшняя метафора детства, как пишут исследователи, – это метафора ностальгии. Та зона, в которой осталось то, что нам взрослым ценно, это семейные ценности, радость родительства, это исчезает, поэтому мы относимся к этому как к исчезающей действительности.

Поэтому эти две метафоры, эпохи модерны и эпохи постмодерна, они различаются. Вот вам – будущность стала ностальгией. Поэтому если мы смотрим на метафору в этом ключе, то вот два канала: семья и школа. Это то, через что общество, не индивид, а общество, обеспечивало свое будущее и все, что с ним связано. Семья: раньше полагали, что это совместное проживание гетеросексуальной пары, состоящей в браке, с детьми в одном домохозяйстве и общими ресурсами. Сейчас я могу сказать, что, по амери-

канским данным, 20 % гейских семей имеют детей, 30 % лесбийских пар имеют детей. Это не значит, что 30 % детей воспитываются в лесбийских парах. Тем не менее для многих из нас это новая, даже шокирующая информация, я бы сказала. Сегодня мы уже говорим о сетевой семье, когда оба родителя имеют семью, и ребенок находится между этими двумя семьями. Сетевая семья – последовательность браков или партнерских отношений, когда ребенок постоянно переходит из семьи в семью. Все время меняется состав семьи в связи с изменением брачного положения родителей, ребенок приобретает сводных сестер или братьев, не родных по крови. Это дети партнера-родителя от первого брака.

И вот ребенок живет в этой расползающейся сегодня семье. Надо сказать, что ядерная семья была детоцентричной. Детоцентричность означает, что неудачный брак длился, чтобы обеспечить детям нормальное развитие. Сегодня ситуация меняется. Взрослый может не длить неудачный брак, может вступать в отношения, которые его устраивают, но все это создает большие трудности для ребенка, потому что старая семья задавала граничность дозволенного – недозволенного, приемлемого – неприемлемого, позитивного – негативного. Сегодня при условии размыwania этих границ взросление становится более трудной задачей, его нужно решать самостоятельно. Сегодняшняя семья называется взрослоцентричной, взрослые выигрывают в этой семье, но проигрывают дети.

Семья по традиции покоится на трех контрактах: свобода в обмен на ответственность (чем более ответственным ты становишься, тем более свободным я позволяю тебе быть); уход и поддержка в обмен на достижения (я готов тебя возить в шахматную секцию, если ты там будешь побеждать); и, наконец, демонстрация обязательств, готовности вкладываться со стороны родителей в обмен на лояльность (когда я вижу, что мой ребенок предпочитает меня незнакомцу, я готов еще больше давать и делать для него). Эти три контракта предполагают некоторую взаимность и реципрокность, т. е. для того, чтобы эти три контракта осуществлялись, нужно много времени проводить с ребенком, потому что, например, как описывали танец: два партнера вместе не одинаковые фигуры делают, а одна фигура в ответ на другую. Эти контракты могли бы быть осуществлены при большом широком пространстве совместности, чтобы мог бы случиться этот «танец», потому что они все держатся на взаимности. Сегодня это невозможно, эти контракты более, видимо, не валидны.

Школа. Понятно, что это больше нас интересует. Критика школы постмодернизмом идет про то, что ориентация школы идет больше на благополучную прослойку, соответственно их ценности и нормы кладутся во главу угла, различия игнорируются, и ими управляют. То есть школа с точки зрения критики постмодернистов представляется инструментом управления. Здесь я могу на того же Бурдье сослаться. Во-первых, это называется символическим насилием. Он говорит, что детям одной социальной группы, социального класса знаком тот академический язык, на кото-

ром с ними говорят в школе, а те, которые приходят из других социальных групп, маргиналы, которых мы теперь маргиналами не считаем, они оказываются чуждыми этой социальной группе. Например, эмигранты Америки не имели такой длинной истории перед сегодняшним поколением, поэтому они заведомо в проигрыше. И школа, игнорирующая эту ситуацию, — это школа символического насилия.

Сегодня мы сталкиваемся с явным противоречием, что образование полагает себя благом, себя персонально — благотворителями, а люди, которые приходят за образовательной услугой, приходят именно за услугой, и они могут быть недовольны этой услугой. И вот это противостояние на самом деле становится все более резким. Любой родитель понимает, что это никакое не благо, что это его деньги, заплаченные из налогов, поэтому опять-таки хочет, чтобы эти вложения были эффективными. В обществе 50-х гг. XX в. вероятность того, что образование педагога было выше, чем образование родителя, была достаточно высокая. Отдавая своего ребенка в школу, я отдавала его умному образованному человеку и ждала, что мой ребенок будет более образован, чем я. Сегодня с ростом, особенно в России, высшего образования родители, как правило, имеют сравнимый уровень, и поэтому в принципе могут сделать это не хуже, чем педагог. Педагог сейчас является платным нанятым специалистом, я его нанимаю, и мне так удобно, равно, как нанимаю и помощницу по хозяйству.

Сегодня мы говорим на самом деле о расхождении культурного материала. Это, кстати, очень интересная тема. Потому что когда мы говорим, зачем изучать Анну Каренину, а нам говорят, в жизни пригодится, ну это ответ педагога нормального... Моя версия заключается в том, что даже если я и делаю это опорой, то никакое поле на этом не выстраивается. Поле, для того, чтобы я видела себя относительно Наташи или Наташу относительно себя, относительно моей жизни, нужно, чтобы мы с ней встретились, с этой Наташей. К сожалению, сегодня этой встречи я не могу себе представить, учитывая сексуальное развитие детское, я думаю, что педагоги лучше меня все это знают. Вот это расхождение. Тут может быть такой поворот темы, что встреча с абсолютно иным образом женщины — это тоже такая фишка, и это важно, чтобы она встречалась не с самой собой, а с другой. Но тогда важно, чтобы она с ней встречалась. Тогда нужно эту встречу обеспечивать, и это абсолютно другая методика. Это иной разговор о Наташе, это разговор с Наташей, и мы точно этого делать не умеем.

На самом деле школа не работает сегодня с собственным опытом, с тем с чем пришел ребенок. В этом смысле это постмодернистская критика — опыт черных неблагополучных детей, это то, что ускользает, то, что не становится предметом коммуникации. В этом смысле если мы говорим о посредничестве, мы должны говорить о моменте. Б.Д. Эльконин говорил о возвратно-поступательном движении на двух осях, оно может выстраиваться индивидуально относительно того, что может в данный момент данный ребенок. И его можно подхватить то, что он может сегодня. Я могу

перевести его сначала в одно состояние, потом дать ему более широкий контекст и т. д. Но если я работаю с некоторым условным ребенком, то я не работаю с опытом этого ребенка, я его полагаю как условно известный. Сюда же хочу добавить, у меня большая тема – это тема возраста. Из последних реальных разговоров. Школьный психолог говорит: «Дети, которых принимают в школу, уже должны пройти фазу смен зубов. – Разве это диагностический признак?» – спрашивает взрослый. – Психолог говорит: «Да, это диагностический признак». Родитель оказался продвинутый и говорит: «А вы знаете, что за последние 50 лет зафиксировано, что изменилась схема прорезывания зубов? Изменения последовательности и даже сильные задержки». И эта продвинутая мама даже говорит: «У меня последний зуб вылез в 18 лет!» На что школьный психолог не может отреагировать. Единственное, что он может сказать, мой опыт говорит, что это важно. И в этом смысле мы сегодня продолжаем говорить о готовности в школе, хотя у нас нет ни одной методики, которая была бы проверена на прогностическую валидность. Это я ответственно заявляю. У нас нет свежих данных по школьной готовности, данных последнего десятилетия.

Как отвечает школа и как отвечает семья на изменение ситуации?

Если семья не может контролировать, у нее растет тревога. У нее растет тревога – она восстанавливает контроль. Восстанавливает дистанционно. Ты должен прийти вовремя, хотя меня дома не будет, ты должен отзвониться и т. д. И зона свободы ребенка сужается, потому что школа делает то же самое. И мы сейчас сталкиваемся с совершенно парадоксальной ситуацией. С одной стороны, для того чтобы ребенок мог свободно выбирать и принимать ответственные решения, мы этого требуем довольно рано, но никакого пространства для выращивания этой способности, не предоставляем. Мы сразу же требуем результаты, и в американских источниках написано, например, что дети очень жестко устанавливают правила поведения внутри собственных групп. Peer culture, культура сверстников, очень активно обсуждается. Там возникает тема собственности, обмена, продажи, школа поощряет таких Павликов Морозовых, чтобы они рассказывали...

Идентичность начинает формироваться еще в кроватке, в общении с мамой. Потом раскручивается вширь. Соответственно есть некоторые барьеры, понимания, что приемлемо, что неприемлемо для ребенка, сейчас информация взрывообразно открылась. Родители закрывают некоторые сайты, но многие остаются незакрытыми. Поэтому сегодня описываются такие формы, как фрагментированная идентичность, и меня очень заинтересовала гибридная идентичность. Она описана у китайских школьников, с одной стороны, он живет в маленьком поселении в бедной семье, он начинает чувствовать себя китайцем. С другой стороны, он ходит в макдональдс, который открыт в этом маленьком китайском поселении, смотрит голливудские фильмы. И в этом смысле начинает чувствовать себя американцем. И вот эти по крайней мере два образа, нарушенная идентичность.

Получается человек с двойной идентичностью: с одной стороны, ему открыт весь мир как будто бы, с другой стороны, живет он здесь и сейчас.

Про рекламу. Описаны такие феномены, когда у ребенка формируется привязанность к телеперсонажам, привязанность, такая, которая должна к родителям формироваться. А потом он выбирает пижамку в супермаркете с изображением этого персонажа, потому что его тянет к нему. Вот такая жесткая подсадка на бренд. Это называется: brand-awareness – знание о бренде и brand-loyalty – лояльность к бренду, это тоже тренд, который существует на фоне рыхлой семьи, коммерческие формы сильно меняют это все.

Перехожу к выводам, точнее к некоторым итогам.

Основные каналы взросления – креолизуются, т. е. смешиваются. Но у нас есть система образования. Мы отвечаем за то, чтобы ребенок прошел программу. Но его взросление происходит далеко не только там. Он живет в социуме, он живет на земле, там много с ним чего должно происходить, какая-то компенсация того, что было. В нынешнем нужно говорить о каком-то ландшафте взросления и втягивать каких-то новых игроков на это поле. С другой стороны, я на нас смотрю и думаю, что сидя в Москве это вообще никак невозможно сделать, только на местах, это у меня опять оптимистический сценарий. Освобождающееся место занимают разнообразные формы культуры сверстников и молодежные субкультуры, и это, вообще говоря, не невинно, потому что то, что происходит там, – это не обязательно то, что мы думаем, что там происходит.

Возрастная стратификация, видимо, это я тоже ориентируюсь на свой прошлогодний доклад, тоже теряет свою определенность. Ритуализация, обряд инициации... Например, первое сентября осталось для первоклассников таким ритуалом перехода, про все остальное мне трудно...

Этот сложный ландшафт требует очень сложного осмысления. Потому что если раньше мне было удобно взрослеть, переходя из пионеров в комсомольцы, то сегодня мне взрослеть трудно, и я вынужден взрослеть рефлексивно. А откуда возьмутся возможности для этого? Иностранцы предлагают всякие помогающие опосредствующие знания, и мне сразу же приходит в голову практический психолог. Потом я смотрю на практического психолога в школе, и он мне больше в голову не приходит. Поэтому, похоже, что сегодняшняя траектория перехода из ребенка во взрослого требует поддержки, потому что автоматически культурными средствами, которые закреплены, которые существуют и которые сами по себе, этого не происходит. Но это все тоже еще цветочки.

А теперь вот такой образ что-то типа звездного неба. Такие узлы, сеть. Некоторые узлы для меня более привлекательны, некоторые менее привлекательны. Был канал социализации. А сегодня это хаос социализации, причем хаос именно как слово, оно не безоценочное. И мое взросление обеспечивается переходом с узла на узел, сетевым каким-то брожением. И отсюда ключевое слово номадология, и ребенок как номад, кочевник.

Он кочует по разным социальным пространствам, которые реализованы, т. е. расплзлись, которые потеряли свою определенность. Пионеры – это было что-то определенное, а сегодня он кочует. Молодежные субкультуры, с одной стороны, взяли на себя вот эти трудности, и если я стал фанатом «Спартака», то про меня понятно, кто я такой. Они становятся фасилитатором моего взросления и моей идентификации. Но с другой стороны, во-первых, мы не знаем, что там происходит, нет информации об этом, это не для взрослого место. Самое главное, что там происходит, похоже, предре-шенная идентичность, т. е. если я стал фанатом «Спартака», то я должен соблюдать ритуалы и требования очень точно. И в этом смысле пространство поиска, которое есть место обеспечения моего взросления, оно исчезает.

Еще раз повторю, тут по каждой теме можно делать доклад, но я возвращаюсь к теме психологии развития все-таки, потому что это сильная бомба под мою профидентичность, поэтому мне хочется к этому вернуться. Движущие силы развития – это те сущностные силы, посредством которых систематически воссоздаются жизненные модели. Систематически воссоздаются жизненные модели. Вот вопрос – каким образом возможно сегодня систематическое воссоздание? Второй: что такое сегодня жизненная модель, если основной формой существования этого все-таки, я буду говорить, незрелого создания является «серфинг»? Здесь идея поверхностного скольжения, такая тревожная. Когда я говорю тревожная, это не значит, что мне это не нравится. Это наиболее жестко показывает, как мы оторвались от того, что было пару-тройку десятилетий назад. Поверхностное скольжение, маскарадная культура.

Я выхожу в коммуникацию под другим именем, использую разные способы коммуникации, но в какой мере это становится опорой и в какой мере открывает поле, для меня абсолютно не очевидно, и в этом смысле ответ на вопрос, кто посредник, я не знаю! Даже так, я боюсь знать об этом!

Список литературы

1. Постман Н. Исчезновение детства: [Электронный ресурс] / Н. Постман. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2004/3/2004_3_2.html.
2. Арьес Филипп. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Ф. Арьес. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999.